

© 2006 г.

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ НА ДВУХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

(11–12 ноября 2005 г., 6–7 февраля 2006 г.)

11–12 ноября 2005 г. на историческом факультете Нижегородского государственного университета состоялась научная конференция «Актуальные проблемы антиковедения и медиевистики», посвященная 30-летию кафедры истории древнего мира и средних веков. В ее работе приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты нижегородских вузов, а также гости из университетов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Перми. Большинство представленных на конференции докладов (22 из 29) были посвящены широкому кругу проблем истории и культуры античного мира.

На пленарном заседании с первым докладом «Кафедра истории древнего мира и средних веков ННГУ на современном этапе» выступил декан исторического факультета профессор *Е.А. Молев*. Подчеркнув неизменную верность кафедры тем научно-педагогическим традициям, которые были заложены еще основателями факультета, он охарактеризовал наиболее важные направления и показатели научной деятельности коллектива кафедры в области антиковедения, медиевистики и археологии, отметив динамичность и весомые результаты ее развития в последние годы, выразившиеся в публикации ряда монографий, научных сборников, в защитах диссертаций, в проведении экспедиций, в расширении академических и международных контактов. В докладе *В.М. Строецкого* (Нижний Новгород) «Немецкая историография XVIII в. и античная культурная традиция» было показано, что новое историческое мышление, появившееся в Германии в середине XVIII в., было связано с развитием теории естественного права. Немецкие историки *И.Л. фон Мосгейм*, *И.М. Геснер*, *И.Ф. Крист*, *А.Л. Шлёцер* и др., обратившись к прагматической истории, сформулировали важнейшие принципы историописания. Развитие исторической науки в Германии в это время шло параллельно с развитием филологических дисциплин, результатом чего и явилось формирование немецкой классической филологии в широком смысле слова и возрождение на основе античной традиции принципов исторической и филологической критики источников. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Подвластный сын на военной службе: правовые и гендерные аспекты статуса профессионального солдата в Римской империи» обратил внимание на соотношение правовых привилегий, предоставляемых в эпоху принципата военнослужащим в области наследственного и имущественного права, с их особым социoproфессиональным статусом и римским пониманием маскулинности, которое было неразрывно связано с обладанием властью, в том числе и *patria potestas*. Анализ юридических и других источников позволяет прийти к выводу, что развитие этих привилегий, возникновение которых было прямо обусловлено потребностями и специфическими условиями службы в профессиональной армии, способствовало повышению общественного статуса воинов и развитию их самосознания, в том числе и с точки зрения римской концепции мужественности.

На заседании секции «Актуальные проблемы истории и культуры античного мира», состоявшемся 11 ноября под председательством профессора *В.М. Строецкого*, прозвучали шесть докладов. Заседание открылось докладом *Н.Ю. Сивкиной* (Нижний Новгород) «Зимняя кампания Филиппа V в Пелопоннесе». По заключению автора, македонский царь в этой кампании предстал и перед этолянами, и перед ахейцами в новом свете, показав себя талантливым и удачливым полководцем, заботливым союзником и способным на милосердие противником; с этого момента он больше не воспринимался как молодой и неопытный предводитель Эллинской лиги. Филипп, в замыслы которого входило установление мира в Греции и восстановление македонского господства над ней, сумел создать в Пелопоннесе сферу своего влияния не столько для ведения военных действий, сколько в качестве противовеса своему слишком амбициозному союзнику – Ахейской федерации, решив при этом и свои ближайшие политические задачи: уменьше-

ние влияния Арата и создание себе образа борца за общегреческие интересы. В докладе *А.А. Рыбаковой* (Нижний Новгород) «Змея в древнегреческих мифах о богомладенцах» было выделено несколько аспектов мифологической и обрядовой связи богомладенца и змеи; в частности, отмечалось, что с богомладенцем были связаны представления о богатом урожае, а пограничное состояние богомладенца обуславливало то, что ребенок мог выступать в роли жертвы-медиатора. Представление об этом было закреплено в обрядах детских жертвоприношений, происхождение которых, скорее всего, связано с религией догреческого населения Крита и Балканской Греции. В мифах также пашли отражение следы борьбы греков с этими кровавыми ритуалами. *Н.В. Молева* (Нижний Новгород) в докладе «Тандем “заяц – собака” в религиозном мировоззрении древних греков» остановилась на традиции парных изображений зайца и собаки в произведениях искусства древней Греции и Северного Причерноморья и, применяя систему мифологического «языка зверей», пришла к выводу о том, что эти животные маркировали собой миры жизни (заяц) и смерти (собака), являя две стороны человеческого бытия. *Н.В. Кузина* (Нижний Новгород), выступившая с докладом «Культе Диониса и его “театральный” аспект в Северном Причерноморье», подчеркнула, что театральный аспект в культе Диониса приобрел отчетливое выражение в период тесных экономических, политических и культурных контактов северопричерноморских городов с Афинами, где почитание Диониса как покровителя театральных зрелищ играло важную роль в общественной и сакральной жизни государства. В мировоззрении северопонтийских греков театр сохранил свою связь с Дионисом вплоть до первых веков нашей эры. При этом прослеживается сложная взаимосвязь театральных атрибутов с погребальными обрядами, что соотносится с хтоническим характером дионисийского культа в Северном Причерноморье. *Е.А. Захарова* (Нижний Новгород) в докладе «К проблеме статуса и деяний супруг героев в древнегреческой мифологии» рассмотрела древнегреческие мифы, в которых рядом с героями постоянно фигурируют их жены, матери и возлюбленные, и отметила, что женские образы часто представлены в мифологии очень расплывчато (чаще всего в роли матерей), но иногда именно спутницы героев играли важную роль в определенных событиях; в частности, сохранились предания, связанные с супругами Ахилла в Северном Причерноморье, Еленой, Медеей и Ифигенией, выступавшими в качестве паредра героя-бога, что было обусловлено их героическими деяниями в земной жизни. *Т.А. Пергаева* (Нижний Новгород) в сообщении «Земледелие в экономике боспорского города Нимфея» показала, что до эллинистического времени основное внимание было сосредоточено на выращивании пшеницы, но в связи с изменением ситуации на внешнем рынке сельское хозяйство Нимфея переориентируется на виноградарство.

На заседании секции «История Древней Греции» (председатель *Н.Ю. Сивкина*) 12 ноября были сделаны пять докладов. *А.Н. Горожанова* (Нижний Новгород) выступила с докладом «К вопросу о причинах персидского завоевания ликвийского Ксанфа в VI в. до н.э. (по данным античной традиции)», в котором основное внимание уделила рассказу из «Истории» Геродота (I. 176) о захвате в середине VI в. до н.э. ликвийского города Ксанфа персами во главе с полководцем Гарпагом и о трагической гибели его жителей и защитников. Падение Ксанфа означало падение Ликии в целом. Это сообщение Геродота находит определенное подтверждение и в данных археологии, согласно которым на акрополе Ксанфа в середине VI в. до н.э. произошел пожар. Захват персами Ликии, вероятно, во многом был обусловлен ее стратегическим местоположением, позволяющим контролировать торговые и военные морские пути, а также интересами финикийцев, входивших в состав державы Ахеменидов. *О.Л. Габелко* (Казань) в докладе «“Стела Омсалака” из раскопок Фанагории 2004 г.» предложил свой вариант восстановления и трактовки надписи на надгробном памятнике I–II вв. н.э., воздвигнутом фиасотами их усопшему товарищу. Он обратил особое внимание на наличие большого количества ошибок в кратком тексте эпитафии: несогласование падежей, числа глагола, необычное написание имени жреца – главы фиаса и стандартной формулы прощания. Все это в сочетании со следами попытки уничтожить предшествующее изображение всадника на лицевой стороне стелы создает впечатление, что могильная плита не стояла над погребением Омсалака, а только подготавливалась к такому использованию, а сам умерший был членом культового объединения, включавшего в себя представителей варваризованных низов боспорского общества. *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) в докладе «Союзническая война и Второй Афинский морской союз» рассмотрел влияние итогов Союзнической войны (357–355 гг. до н.э.) на дальнейшее развитие Второго Афинского морского союза и пришел к выводу, что поражение Афин в этой войне способствовало приходу к власти в Афинах умеренной политической группировки во главе с Эвбулом. Последний сосредоточился в основном на решении внутривластных вопросов, внешней же политике теперь уделялось меньше внимания. В силу этого Второй Афинский морской союз постепен-

но утратил свое значение как ведущий субъект международной политики в Эгеиде, хотя и продолжал существовать до 338 г. до н.э. Т.А. Кузьмина (Нижний Новгород) посвятила свой доклад «Боспорские правительницы» двум царицам Боспорского государства – Камасарии (ок. 180–150 гг. до н.э.) и Динамии (ок. 47–14 гг. до н.э.) – и пришла к заключению, что обе эти женщины-правительницы, находясь у власти в довольно сложные для Боспора периоды истории, сыграли важную политическую роль, обеспечив преемственность царствующих родов и традиций правления. Доклад А.В. Хазиной (Нижний Новгород) «Сакрализованная философия Посидония Апамейского: рациональное – иррациональное» был посвящен проблеме понимания мыслителем божественного мира, демонологии, мантики, астрологии и их месту в философской системе Средней Стои. Анализ сохранившихся трактатов Посидония показывает, что религиозные вопросы, включенные в философскую систему Апамейца, получили теоретическое обоснование, став объектом философской рефлексии, во многом с помощью идей стоического платонизма. Философ настаивает на родстве и синтезе веры и знания, рационального и иррационального моментов познания.

Работу секции «История Древнего Рима» (председатель А.В. Махлаюк) открыл доклад Н.С. Алмазовой (Казань) «“Habent sua fata... conversiones” (о переводе “Энеиды” Вергилия в переписке А.А. Фета и Д.И. Нарецкого)», в котором рассматривались обстоятельства и перипетии сотрудничества поэта-переводчика и профессора Казанского университета в работе над переводом первых шести книг великой поэмы Вергилия. В докладе К.В. Маркова (Нижний Новгород) «Политические идеи и этнокультурная принадлежность Диона Кассия в контексте “Греческого Возрождения”» была предпринята попытка ответить на актуальный для исследований последнего времени вопрос о степени влияния этнокультурной принадлежности Диона Кассия на его политические идеи. По мнению докладчика, в «Римской истории» наряду с некоторыми топосами, восходящими еще к греческой позднеклассической литературе, нашли отражение специфически римские идеи; выбор же проблематики и характер трактовки ряда вопросов соответствуют традициям римской политической мысли эпохи принципата и обусловлены скорее не этнокультурной, а социальной принадлежностью историка. А.В. Колобов (Пермь), выступивший с докладом «Всегда ли лимес являлся границей Римской империи?», рассмотрел случаи создания римских военных баз за пределами империи и пришел к заключению, что комплексный анализ конкретного материала позволяет поставить под сомнение распространенное представление о лимесе как исключительно пограничной системе укреплений. А.А. Терентьев (Нижний Новгород) в докладе «Персональные взаимоотношения императора и войска (сравнительная характеристика императоров Траяна и Адриана)» показал, что наряду с общими традиционными моментами у каждого из двух императоров можно обнаружить индивидуальные, присущие только ему элементы этих взаимоотношений. Оба императора широко использовали различные средства морально-психологического воздействия на войска, уделяя большое внимание личному общению с рядовым составом и применяя разнообразные пропагандистские приемы (монетную чеканку, архитектурные сооружения и скульптурные изображения). Действуя в разных исторических условиях, Траян и Адриан смогли выстроить взаимоотношения с войском на таком высоком уровне, что стали в этом отношении примером для последующих императоров. В докладе С.А. Доманиной (Нижний Новгород) «Психология кельтского воина античной эпохи» был рассмотрен вопрос о поведенческих императивах кельтского воина эпохи экспансии и столкновения с античной цивилизацией и подчеркнуто, что чрезвычайная религиозность кельтов привела, по-видимому, к появлению такого психологического феномена, как представление о прямой связи, возникающей в момент боя между воином и богами – прародителями племени или полубогами-героями. Результатом этого стали кельтский индивидуализм при ведении боевых действий и обусловленная им одна из наиболее характерных черт кельтского воина – *fuog*, или воинская ярость, а также обычай шести в победном шествии лично захваченные трофеи, демонстрируя богам свои собственные заслуги. А.Е. Негин (Нижний Новгород) в докладе «Христианская символика в римской армии IV в.» отметил, что процесс замены в римской армии языческой символики христианской проходил не так, как он преподносится христианскими авторами, а поэтапно и растянулся почти на все IV столетие. Суждение на основании одних только трудов апологетов христианства неминуемо ведет к аберрации исторической действительности. Рассмотрев этот процесс на основе имеющихся в нашем распоряжении иконографических и археологических источников, автор доклада указал на то, что христианская символика была узаконена Константином тогда, когда ею уже исподволь пользовались христиане в его армии, и лишь в конце IV в. в армии произошло широкое внедрение и окончательное узаконивание христианской символики, окруженной религиозным почитанием. Е.В. Куликова (Нижний Новгород) в докладе «Коронационный обряд в Римской империи IV в.» обратила внимание на измене-

ния в церемонии коронации позднеримских императоров в контексте общих перемен, имевших место в эпоху Поздней империи, и, проанализировав основные выразительные средства, с помощью которых осуществляется предъявление тех или иных образов власти, предложил характеристику символического обмена и всей системы потестарных образов в позднейимперский период, отметив, что, хотя императорская власть в это время по-прежнему оставалась прежде всего военной и индивидуальной, именно в IV столетии утвердился образ власти династической и коллегальной.

На заключительном пленарном заседании 12 ноября прозвучал еще один доклад, посвященный античной тематике. С докладом «Можем ли мы забыть Герострата? Образ разрушителя ради славы в социокультурном контексте XX в.» выступил *Е.А. Чиглинецов* (Казань), обративший внимание на античную традицию о поджигателе храма Артемиды в Эфесе и ее рецепцию культурой XX века, на метаморфозы образа Герострата в общественном сознании предреволюционных и первых послереволюционных лет, сталинской и брежневской эпох, постсоветского времени. По заключению докладчика, в эпохи исторических переломов авторы реанимируют и активно интерпретируют этот образ, подверстывая его под социокультурные условия своего времени, а потому вопрос, вынесенный в заглавие доклада, продолжает оставаться риторическим.

На этом же заседании руководителями секционных заседаний были подведены итоги работы конференции, которые, по общему мнению участников, могут свидетельствовать о плодотворном развитии научных контактов и исследовательских традиций на кафедре истории древнего мира и средних веков ННГУ.

* * *

6–7 февраля 2006 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова прошла Всероссийская научная конференция «Концепции нелинейного развития в истории общества и культуры. Вклад Н.А. Добролюбова и его современников в эту проблему». В ее рамках работала секция «Античность и современность: переключки через века» (с подсекциями, посвященными соответственно наследию древнегреческой и древнеримской истории и культуры). В прозвучавших докладах получили освещение разнообразнейшие проблемы античной истории и восприятия античного наследия в последующие эпохи.

В.М. Стрелецкий (Нижний Новгород) в докладе «Античность и становление теорий интерпретации хода исторического процесса в начале XIX в. и их отражение в творчестве Н.А. Добролюбова», прозвучавшем на первом пленарном заседании, рассмотрел влияние на идеи Добролюбова двух подходов к пониманию времени и истории: первого – линейного понимания развития истории, характерного для древних евреев, а затем и для христианской историографии, и второго – нелинейного, циклического, присущего древним грекам. Первый подход благодаря сочинениям Лейбница и Лессинга снискал широкое признание, став основой для теорий общественного прогресса и поступательного развития общества. Опираясь на эти идеи, писал свои критические статьи и рецензии Н.А. Добролюбов. Однако уже с середины XIX в. все большее значение стал приобретать второй подход, на базе которого формировалась теория нелинейного многовекторного развития общества, впервые изложенная в работе Н.Я. Данилевского.

Проблемам восприятия античного наследия в России были посвящены еще два доклада. В докладе *М.П. Самойловой* (Нижний Новгород) «Античность в русской средневековой педагогической традиции» был поставлен вопрос о степени и форме освоения античного наследия в разные периоды русского средневековья, а также о способах трактовки античных сюжетов в отечественном образовательном процессе разными группами образованных людей средневековья. *Е.В. Соболева* (Нижний Новгород) в докладе «Н.А. Добролюбов и Гораций» проанализировала малоизвестные работы Н.А. Добролюбова, показывающие его интерес к Горацию на протяжении всей жизни. 14-летним нижегородским семинаристом Н. Добролюбов весьма успешно переводит 34 оду I книги Горация («К самому себе»). В студенческие годы будущий критик написал на латинском языке комментарий к I сатире I книги. Работа не была опубликована, так же как и наборная рукопись рецензии Н.М. Михайловского на сатиры Горация в переводе М. Дмитриева (Современник. 1853. № 10) с редакторской правкой Н.А. Добролюбова. Замечания уточняют основную мысль автора – осуждение Горация, предавшего, по мнению рецензента, идеалы своей юности.

Работу подсекции, посвященной наследию древнегреческой истории и культуры, открыл доклад «Образы женщин в древнегреческой мифологии», прочитанный *Е.А. Захаровой* (Нижний Новгород), которая остановилась на характеристике женских мифологических типов, отметив, что большинство женщин в греческих мифах являются женами и спутницами богов и героев,

матерями их детей; существуют и такие женские типы, как жертвенные девы, исполнительницы воли богов, соперницы богов, пророчицы, клеветницы, сыно- и мужеубийцы, чародейки. Отдельную категорию составляют мифы о женских превращениях. В докладе *А.А. Рыбаковой* (Нижегород) «Бетил как разновидность омфала и его семантика» на основе сопоставления археологических данных, сведений античных авторов и изобразительной традиции было высказано предположение, что минойский по происхождению культ бетиллов – священных камней яйцевидной формы – трансформировался в греческое время в культ священного камня, связанного с образом Зевса-младенца, а также сохранился в иконографии образов младенцев в виде спеленутого тела, к которому постепенно добавлялись детали: сначала – голова, ступни ног, позднее – руки и избавляющиеся от пелен тело ребенка. Доклад «Храм Зевса в Олимпии как олицетворение панэллинского единства в классический период» представила *Л.Ю. Герасимова* (Москва), которая указала, что следы культа в Олимпии прослеживаются в районе Пелопонна с эпохи ранней бронзы, однако история известного нам святилища начинается на рубеже II–I тыс. до н.э. С начала VII в. до н.э. все большее значение приобретает панегерей и спортивный агон; олимпийский праздник эволюционирует в сторону панэллинского; святилище подвергается перепланировке. Изменения в организации праздника и во внешнем облике святилища отразили процесс осознания эллинской общности в архаическую эпоху, формирование общегреческих религиозных представлений, которые скреплялись культом Зевса. *А.В. Ушкаков* (Нижегород) в докладе «Демиирги и цари в Аргосе в VI в. до н.э.» на основании анализа трех надписей, сохранившихся на территории Аргоса, и информации, содержащейся в литературных источниках, пришел к выводу, что во второй четверти VI в. до н.э. власть в Аргосе перешла к демииргам, что это было время быстрых и частых политических перемен и политической нестабильности в полисе, явившихся, очевидно, одной из причин утраты Аргосом ведущей роли в Арголиде. В докладе «Второй Афинский морской и Беотийский союзы от битвы при Мантинее до Союзнической войны» *В.В. Аитонов* (Нижегород) обратился к вопросу об изменении соотношения сил в Греции в период с 362 по 355 г. до н.э. Подробно остановившись на взаимоотношениях с Афинами и Фивами (основными центрами силы в Элладe) менее крупных полисов, автор пришел к заключению, что в рассматриваемый период Афины резко активизировали антибеотийское направление своей внешней политики. Однако активное противодействие ей со стороны Македонии и Мавсола Карийского, поддержавших восстание союзников афинян, не позволило последним добиться успеха. *Т.Б. Гвоздева* (Москва) представила доклад «Культе Кекропид и клятвы эфебов». В нем было отмечено, что история Кекропид, связанная с мифом рождения Эрихтония, послужила основой для обрядов Великих Панафиней, во время которых юноши преодолевали последнюю ступень, отделяющую их от статуса полноправного гражданина, и приносили клятву эфебов в святилище Аглавры. В основу же ночного бега с факелами и $\lambda\omicron\upsilon\upsilon\upsilon\chi\iota\varsigma$ лег сюжет тайного переноса Эрихтония на Акрополь, так как Кекропиды в данном случае выступали в качестве куротрофов, тогда как клятва в храме Аглавры стала выражением ряда патриотических мифов об Эрихтеидах, Гиакинтидах, Леонтидах. Апофеозом торжества гражданского коллектива была панафинейская процессия с участием молодых эфебов, которые влились в стройные ряды «военной» части шествия, олицетворявшего собой идею верности полису, его мощь и силу. *В.Р. Гуцин* (Пермь) выступил с докладом «Афинская демократия: взгляд из современности», посвятив его размышлениям о новой книге английского антиковеда П. Родса «Античная демократия и современная идеология». Докладчик солидаризировался со многими положениями П. Родса, который выявляет растущую идеологическую насыщенность современных исследований, посвященных афинской демократии. *Н.В. Кузина* (Нижегород) в докладе «К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья» высказала мнение, что представления, связанные с Дионисом и его фиасом, были известны среди варварской (скифской, скиндской) элиты, имевшей тесные экономические и политические отношения с северопонтийскими городами. Не исключено, что дионисийский культ, активно поддерживаемый государством, в IV–III вв. до н.э. целенаправленно распространялся греками среди варварской знати и служил для обеспечения устойчивости их внешнеэкономических и культурных контактов с окружающими племенами. Вероятно, варварам были близки идеи хтонического культа Диониса, связанные с захоронением блаженством и возрождением. Элементы этого культа, получившего широкое распространение в эллинистический период, могли включаться в систему религиозных представлений варваров и проникать в культы местных хтонических божеств. *Н.Ю. Сивкина* (Нижегород) в докладе «Две составляющие одного портрета (к проблеме образа Филиппа V у Полибия)» обратила внимание на то, что в античной и современной литературе македонский царь Филипп V предстает весьма мрачной фигурой, и это негативное отношение к нему, сложившееся в силу объектив-

ных и субъективных причин, восходит к труду Полибия. Рассмотрев лишь несколько обвинений историка в адрес Филиппа, можно выявить устойчивое противоречие изложенных фактов и данной им интерпретации. *М.П. Трофимов* (Пермь) в докладе «“Историческая библиотека” Диодора Сицилийского в современной западной историографии» выделил основные направления изучения сочинения сицилийского историка за последние два десятилетия, отметив, что по-прежнему остается актуальной проблема восстановления источниковой базы Диодора и составления исторических комментариев к отдельным книгам сочинения историка; все более активно и плодотворно исследуются исторические взгляды Диодора на основе целостного изучения «Исторической библиотеки»; современные ученые отходят от традиционного представления о Диодоре как о примитивном компиляторе и отмечают наличие у него собственной исторической концепции.

Заседание подсекции, посвященной вопросам истории Древнего Рима, открыл доклад *А.М. Браговой* (Нижний Новгород) «Понятия *res publica* и *civitas* у Цицерона». Автор доклада попыталась показать, что эти цicerоновские понятия не равнозначны друг другу: *res publica* имеет более узкое значение, связанное скорее с публично-правовой сферой жизни, а не с частной, тогда как понятие *civitas* охватывает не только общественно-политическую, но и частную сферу жизни римских граждан. В совместном докладе *И.А. Гвоздевой* и *В.О. Никишина* (Москва) «Ригор и ригоризм в римской литературной традиции и юридической практике» было отмечено, что для латинских авторов I–II вв. н.э. термин *rigor* («непоколебимая твердость») означал в первую очередь суровую строгость и простоту в образе жизни, прямоту и принципиальность, тогда как в римском аграрном праве того же периода *rigor* играл роль пограничной линии, фиксировавшей пределы земельного массива. *Н.В. Бугаева* (Москва) в докладе «Предвыборная кампания 63 г. до н.э.: Цицерон против Катилины» еще раз обратила внимание на некоторые находящиеся близкие параллели в современности приемы политической борьбы, с помощью которых великий оратор не допустил победы Катилины на консульских выборах 63 г. до н.э. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) выступил с докладом «Предисловие Диона Кассия к описанию Мутинской войны (XLVI. 34–35. 1). Проблемы интерпретации», в котором проанализировал содержание ряда пассажей «Римской истории» Диона в контексте изучения концептуально-методологической основы и стилистических особенностей этого памятника греко-римской историографии. В докладе *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) «*Virtus* и *felicitas*: харизматические аспекты военного лидерства в древнем Риме» был рассмотрен вопрос об использовании и специфическом идеологическом наполнении понятий «доблесть» и «счастье» в характеристике деятельности римских полководцев. Данные категории, связанные с традиционными сакральными представлениями об империи и ауспичиях военачальника, со II в. до н.э. выдвигаются на первый план в суждениях о факторах военного успеха, который начинает рассматриваться как результат прежде всего личных усилий и особых качеств полководца, его харизмы, и такое понимание развивается в эпоху Империи, когда военные *virtus* и *felicitas* фактически становятся монополией принцепса, так же как *impregium*, *auspicia* и право на триумф; таким образом, образ императора как военного лидера, одерживающего победы благодаря благорасположению богов и собственным сверхчеловеческим качествам, оказывался одним из важных истоков императорского культа.

А.В. Махлаюк